

Князь Данила-Говорила — вариант 1

Жила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь - такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: "как бы их извести да до худа довести?" - думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит: "Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенок, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и тороват, только бы не снимал и женился на той девице, которой мое колечко будет по ручке!" Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идет, а сынок растет. Вырос и стал искать невесту; понравится одна, приглянется другая, а колечко померяют - или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ездил-ездил и по селам и по городам, всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой и задумался. "О чем ты, братец, кручинишься?" - спрашивает его сестра. Открыл он ей свое бездолье, рассказал свое горе. "Что ж это за мудреный перстенок? - говорит сестра. - Дай я померяю". Вздела на пальчик - колечко обвилось, засияло, пришлось по руке, как для ней нарочно вылитое. "Ах, сестра, ты моя суженая, ты мне будешь жена!" - "Что ты, брат! Вспомни бога, вспомни грех, женятся ль на сестрах?" Но брат не слушал, плясал от радости и велел собирать к венцу. Залилась она горькими слезами, вышла из светлицы, села на пороге и река-рекой льется!

Идут мимо старушки прохожие; зазвала их накормить-напоить. Спрашивают они: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; рассказала им все. "Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся нас: сделай четыре куколки, рассадь по четырем углам; станет брат звать под венец - иди, станет звать в светлицу - не торопись. Надейся на бога, прощай". Старушки ушли. Брат с сестрой обвенчался, пошел в светлицу и говорит: "Сестра Катерина, иди на перины!" Она отвечает: "Сейчас, братец, сережки сниму". А куколки в четырех углах закуковали:

Куку, князь Данила!

Куку, Говорила!

Куку, сестру свою,

Куку, за себя берет.

Куку, расступись, земля,

Куку, провались, сестра!

Земля стала расступаться, сестра проваливаться. Брат кричит: "Сестра Катерина, иди на перины!" - "Сейчас, братец, поясок развяжу". Куколки кукуют:

Куку, князь Данила!

Куку, Говорила!

Куку, сестру свою,

Куку, за себя берет.

Куку, расступись, земля.

Куку, провались, сестра!

Уже остается одна голова видна. Брат опять зовет: "Сестра Катерина, иди на перины!" - "Сейчас, братец, башмачки сниму". Куколки кукуют, и скрылась она под землей.

Брат зовет еще, зовет громче - нету! Рассердился, прибежал, хлопнул в двери - двери слетели, глянул на все стороны - сестры как не бывало; а в углах сидят одни куклы да знай себе кукуют: "Расступись, земля, провались, сестра!" Схватил он топор, порубил им головы и побросал в печь.

А сестра шла-шла под землю, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевертывается. "Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом". Избушка стала, двери отворились. В избушке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом. Встрела гостью ласково, вздохнула и говорит: "Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!" Испугалась гостья таких речей, а деваться некуда, села с хозяйкой за ширинку; шьют да разговаривают. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетит, обратила гостью в иголочку, заложила в веничек, поставила в уголок. Только она ее прибрала, ведьма шаст в двери: "Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!" - "Матушка-сударыня! Шли прохожие да зашли водицы напиться". - "Что ж ты их не оставила?" - "Стары, родимая, не по твоим зубам". - "Вперед гляди - на двор всех зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять на

раздобытки". Ушла; девушки сели за ширинку, шили, говорили и посмеивались.

Прилетела ведьма; нюх-нюх по избе: "Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!" - "Вот только заходили старички руки погреть; оставляла, не остались". Ведьма была голодна, пожурела дочь и опять улетела. Гостья отсиделась в веничке. Скорее принялись дошивать ширинку; и шьют, и поспешают, и сговариваются: как бы уйти от беды; убежать от лихой ведьмы? Не успели переглянуться, перешепнуться, а она к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох: "Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!" - "А вот, матушка, красная девица тебя дожидает". Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос. "Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Топи печь жарко-жарко!" Наносили дров и дубовых и кленовых, разложили огонь, пламя из печи бьет.

Ведьма взяла лопату широкую, стала гостью потчевать: "Садись-ка, красавица, на лопату". Красавица села. Ведьма двинула ее в устье, а она одну ногу кладет в печь, а другую на печь. "Что ты, девушка, не умеешь сидеть; сядь хорошенько!" Поправилась, села хорошенько; ведьма ее в устье, а она одну ногу в печь, а другую под печь. Озлилась ведьма, выхватила ее назад. "Шалишь, шалишь, молодушка! Сиди смирно, вот так; гляди на меня!" Шлеп сама на лопату, вытянула ножки; а девицы поскорей ее в печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бежать, взяли с собою шитую ширинку, щетку и гребенку.

Бежали-бежали, глядь назад, а злодейка выдралась, увидала их и посвистывает: "Гай, гай, гай, вы там-то!" Что делать? Бросили щетку - вырос тростник густой-густой: уж не проползет. Ведьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняет близко... Куда деваться? Бросили гребенку - выросла дуброва темная-темная: муха не пролетит. Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон! Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать некуда, выбились из сил! Бросили ширинку златошвейную - разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высоко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела.

Остались две девицы, бесприютные голубицы; надо идти, а куда? - не знают. Сели отдохнуть. Вот подошел к ним человек, спрашивает: кто они? и доложил барину, что в его владеньях сидят не две пташки залетные, а две красавицы намалеванные - одна в одну родством и дородством, бровь в бровь, глаз в глаз; одна из них должна быть ваша сестрица, а которая - угадать нельзя. Пошел

барин поглядеть, зазвал их к себе. Видит - сестра его здесь, слуга не соврал, но которая - ему не узнать; она сердита - не скажется; что делать? "А вот что, сударь! Налью я бараний пузырь крови, положите его себе под мышку, разговаривайте с гостями, а я подойду и хвачу вас ножом в бок; кровь польется, сестра объявится!" - "Хорошо!" Вздумали - сделали: слуга хватил барина в бок, кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает: "Милый мой, ненаглядный мой!" А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и отдал ее за хорошего человека, а сам женился на ее подруге, которой и перстенок пришелся по ручке, и зажили все припеваючи.